

*Он не хочет, чтобы о них
знали. Она готова на все
ради него...*

*Никому
о нас не говори*

АЛЕНА ЧЕРНИЧНАЯ

АЛЕНА ЧЕРНИЧНАЯ

Никому
о нас
не говори

ГЛАВА 1

ВЧИТЫВАЮСЬ В ТЕКСТ СВОЕГО конспекта по теории государства и права. Ну и как это можно запомнить, не говоря уже о том, чтобы понять? Скуко-тища жуткая. И это только первый курс.

— Ау, Ань! Ты меня слышишь? — Соня несколько раз тормошит меня за локоть.

— Да-да, — отстраненно бормочу я, глядя в тетрадь.

— Так что насчет вечера? Идем? — заговорщиче-ски понизив голос, спрашивает Софа.

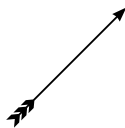
Поджав губы, закрываю конспект и бросаю виноватый взгляд на Трофимову, стоящую по левую руку от меня. Подруга метр с кепкой в прыжке и едва доста-ет мне до переносицы своей белокурой макушкой, но смотрит так строго, что я нервно поправляю ворот свитера.

— Сонь, ты знаешь, я...

— Ну не-е-ет... — В ее глазах вспыхивает обида. — Мы же договорились!

— Я помню. Прости, пожалуйста, — с искренним сожалением смотрю на Трофимову. — Просто мама...

Неожиданно я получаю такой резкий и болезнен-ный удар в спину, что громко ойкаю, делаю неуклю-жий выпад всем телом вперед и мигом забываю, что хочу сказать. Конспект вылетает у меня из рук на пол.

— Задницу свою с прохода убери, — слышу знакомое презрительное фырканье.

И во рту у меня сразу горчит. Не нужно даже поворачиваться, чтобы понять, кто толкнул меня в спину.

Полина Петрова. Дива соцсетей и зазноба парней всего нашего первого курса. Да и не только первого. Модные шмотки, яркий макияж. Полина вечно носит с телефоном и включенной камерой. И хотя мне не хотелось бы снова встречаться с ее надменно-пренебрежительным выражением лица, Петрова — моя одноклассница, и сейчас она стоит у меня за спиной.

Сжав зубы до скрипа, я оборачиваюсь.

— Чего вылупилась? — выплескивается яд из накачанного гиалуронкой рта Петровой.

Не дожидаясь моего ответа, она проходит мимо. Я даже отшатываюсь от плотного аромата ее кислых духов. А следом за ней, одарив меня таким же презрительным взглядом, проходит и вечный хвостик Полины — Женя Красно. Это копия Петровой — одежда, макияж. Обе подружки величаво покачивают задницами в облегающих кожаных штанах, а Полина едва не наступает каблуками на разлетевшиеся по коридору листы моего конспекта.

Я тихо вздыхаю. Петрова, как обычно, вся из себя. Кого-то заденет плечом в аудитории, кому-то подарит едкую шутку. А меня вот иногда любит тыкать за мой внешний вид. Да, я не одеваюсь в брендовое шмотье и мои пряди на голове не покрашены во все цвета радуги. Толстовки, худи, футболки, джинсы, удобные кроссовки и волосы, стянутые в хвост на затылке, — вот как я выгляжу почти каждый день. Для меня идеально.

Правда, у Петровой другое мнение на этот счет. Она типичная блогерша. Кичится двумя миллионами подписчиков. Ни с кем из нашей группы Петрова не

общается. Свое пренебрежительное «фи» по отношению ко всем, кто не в ее тусовке, Полина скрывать и не собирается.

Поэтому, пройдя мимо меня и остальных одноклассников, ждущих преподавателя у двери аудитории, она и ее подружка направляются в конец коридора. А там у окна уже собралась стайка такие же блогеры местного разлива. Как они вообще все затесались в нашу юридическую академию — загадка. Им бы в цирковое или театральное. А между яркими парнями и девушками уже начинается обряд поцелуев в щечки.

Сразу появляется желание демонстративно закрыть глаза, но я опускаюсь на корточки и тянусь за разлетевшимися листочками конспекта.

— Вот курва! — Сонька тут же присоединяется ко мне, присев рядом.

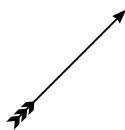
— Курва, как всегда, не в настроении, — хмыкаю я, собирая тетрадные листы.

— Так наша фифа с Гориним разошлась, вот теперь и ходит бешеная, — ехидно хихикает Соня, но тут же тоскливо добавляет: — Хотя справедливости ради признаюсь: если бы я рассталась с ним, то точно рыдала бы в подушку.

Я лишь покаю языком. Не в обиду подруге, но, чтобы расстаться с Гориним, сперва надо с ним начать встречаться. А в случае Сони этот сценарий откуда-то из параллельной вселенной.

— О-о, — тихо тянет Софа и сразу же поднимается на ноги, поправляя складки юбки. — Легко на помине. Горин со своими пришел.

Все еще сидя на корточках, я одновременно записываю листы в сумку и зачем-то снова поднимаю взгляд в сторону Петровой. Возле окна таких модных и стильных явно стало еще больше.

От них даже рябит в глазах. У кого-то кроссовки ядовито-зеленого цвета, а кто-то одет, словно его уронили в колодец с блестками и стразами. Из всей этой пестроты не раздражает взгляд только одно. Точнее, один. Тот, кто держится немного в стороне от этой яркой стайки и не спешит перечмокивать всех подряд.

На нем нет ярких стразов, он одет не вызывающе, а волосы на его голове не окрашены, как перья у попугая. Ему и красить-то нечего: парень побрит практически налысо, торчит только короткий ежик темных волос. Черная косуха, накинутая на серую футболку, черные джинсы и кроссовки. Эдакое темное пятно по имени Тимур Горин среди этих ряженных.

Откуда я знаю, что этот бритоголовый и есть Тимур Горин? Отец Тимура — главный спонсор нашей академии. Имя Горина-старшего я часто слышу от преподавателей. И хочешь не хочешь, а знание о том, кто сын человека, вложившего сотни тысяч — а может, даже и миллионы — в развитие нашей академии, передается здесь по воздуху.

Заметив Тимура, Полина слетает с подоконника, как будто ее ветром сдувает, проталкивается через своих друзей к этому парню в черном, который уже расслабленно подпер плечом стену и уставился в экран своего телефона.

Ладони Петровой сразу же ложатся на его грудь. Горин резко смахивает их с себя. Он лениво отрывает взгляд от телефона и глядит мимо Полины, которая что-то тихо и заискивающе тараторит. Тимур смотрит куда угодно, но только не на нашу диву: скучающе шарит взглядом по коридору. М-да, «повезло» ему с Полиной. И мне даже становится жаль парня, но всего на секунду, пока он не встречается глазами со мной, сидящей на корточках посреди коридора и уставившейся на него и Полину. И его брови сразу же лениво

приподнимаются в немом вопросе. В глазах Горина четко читается: «Чего вылупились?»

Мое лицо словно ошпарили. Утыкаюсь взглядом в пол и неуклюже под звонок на пару тянусь за оставшимися частями разлетевшегося конспекта. Собрав все тетрадные листы, засовываю их в сумку и поднимаюсь с корточек. Но даже не успеваю толком выпрямиться, как получаю неприятный толчок в плечо. Снова.

Такой резкий, что на пару секунд перехватывает дыхание. Да что за день-то сегодня! Всемирный праздник толкания в спину? Или опять Петровой нейметя? Резко оборачиваюсь, готовая принять на себя очередную порцию хамства Полины. Но вижу перед собой не ее глаза, а глаза Тимура Горина. Холодные. Зелено-карие.

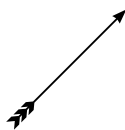
— Прости, я тебя не заметила, — слетает с моего языка извинение.

Почему-то кажется, что Тимур сейчас выдаст какое-нибудь гадкое замечание. А чего еще можно ждать от окружения Полины? Но Горин всего лишь пробегаётся по мне безучастным взглядом, гоняя жвачку во рту.

— Аккуратнее будь, — слышно произносит он.

Без укора. Без едкости и раздражения. Его голос лишен какой-либо интонации.

Прижав к себе помятые листы конспекта, я машинально киваю в ответ. Но Тимур Горин этого не видит, потому что я смотрю уже ему в спину и в его бритый затылок.

ГЛАВА 2

ОБЫЧНО ПАРА ПО ТЕОРИИ государства и права начинается с монотонной лекции нашего преподавателя. Могу ли я назвать себя фанаткой этой дисциплины? Вряд ли. Пока что адаптироваться к учебе не получается. Но деваться некуда, через пару месяцев заканчивается мой первый курс, а все темы я обычно зазубриваю перед сессией. Поэтому и приходится, высунув язык, конспектировать лекции. А Сонька, всегда сидящая по правую от меня руку, то и дело заглядывает мне в тетрадь, переписывая то, что успела записать я.

Но не сегодня. Сегодня лекция началась с того, что преподаватель опаздывает уже минут на пятнадцать. Подперев ладонью подбородок, я бездумно рисую на полях тетради какие-то закорючки, пока Соня под боком заливает в телефоне, а в аудитории стоит жужжание голосов одногруппников. Но больше всех шумят Петрова и Красно. Пока нет преподавателя, они снимают свой очередной странный ролик. Полина и Женя установили телефон на маленький штатив на первой парте в нашем ряду. Встав перед ней, они повторяют какие-то движения на камеру.

От нечего делать я искоса поглядываю на этот цирк. И не надоест же им изо дня в день заниматься одним и тем же: дергаться под какой-нибудь модный трек и открывать рот!

— Блин, — сокрушается Женя, — опять я на видео как корова. Поль, давай переснимем.

— Мне нравится, — отчеканивает Петрова.

— Ты там получилась классная, а я... — продолжает ныть ее подружка.

— Не всем дано быть фотогигиеничными, — с пренебрежением бросает Петрова. — Вот я фотогигиенична, а ты просто нет.

Фото... чего? Я снова перевожу взгляд со своих каракулей на двух подружек. Вот и весь IQ Полины. Я со вздохом прикрываю глаза, а Соня слегка толкает меня в бок.

— «Фотогигиеничная». Кажется, у Петровой реально вместо мозга одни лайки, — тихо хихикает она.

И я подхватываю ее настрой. Посмеиваюсь, пряча в ладони улыбку.

— Просветова, я что-то смешное сказала? — неожиданно резко и громко спрашивает Полина.

Уголки моих губ моментально опускаются, и Сонька тоже прекращает смеяться. Ясно. У Петровой явно со слухом лучше, чем с интеллектом. Но на ее вопрос я отмалчиваюсь.

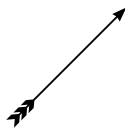
— Ау! Просветова, повторяю: чего ржешь? — уже с нажимом продолжает Полина.

И как назло, всего пару секунд назад мои одноклассники жужжали как пчелы, а теперь затихли.

— Ничего, — сухо констатирую я, заправляя невидимую прядь за ухо, а под ложечкой уже неприятно подсасывает.

— Я видела, как ты на нас глазеешь. Надо мной ржешь?

Боковым зрением вижу, что Полина медленно двигается к нашему столу, но я молчу, сжав губы. Надо быть умнее и просто игнорировать. Только вот Полина молчать не собирается. Подойдя к нашему

с Соней столу, упирается в него ладонями, нависая надо мной.

— Молчишь... Теперь не смешно? Язык в твоей жирной заднице застрял, да? — шипит Полина.

Все это мне неприятно. Мои пальцы, все еще держащие шариковую ручку, сжимают ее еще крепче. Желания сейчас смотреть на Петрову нет, но я все равно поднимаю на нее взгляд. Несколько секунд мы обе молчим. В глазах Полины сверкают надменность и пренебрежение. Вот бы выдать ей что-нибудь едкое.

Но Петрова вдруг одним резким движением смахивает мои вещи со стола. Ручки, методичка — все с грохотом летит вниз. И второй раз за день листы моего конспекта разлетаются по полу.

— Теперь посмейся, дура белобрысая, — на всю аудиторию заявляет Полина и вдобавок толкает меня в плечо.

И от ее толчка у меня все темнеет перед глазами. Грудь словно протыкают острым жалом, а легкие слипаются от выброса в кровь адреналина. Я очень четко и ясно осознаю, как она меня достала! Мое терпение вдруг схлопывается так быстро, что я сама не понимаю, как с моих губ на одном выдохе слетает громкое:

— Я над тобой смеялась.

В аудитории становится еще тише. Полина ошарашенно хлопает ресницами, а я под дикий бой сердца в груди уже проклиная себя. Вяпалась, кажется.

— Повтори, — медленно произносит Петрова, угрожающе склоняясь надо мной.

В моей голове хаотично скачут вопросы: зачем я в это влезла и как бы уйти от конфликта? Но делаю и говорю я совсем другое.

— Я смеялась над тобой, — четко повторяю я, а мой голос вот-вот начнет дрожать.

Дура ли я, что вступаю в перепалку с Петровой? Естественно. Мне бы действительно прикрыть рот, но мои разбросанные на полу вещи словно толкнули меня в чан с адреналином. А выражение лица Полины меж тем не предвещает ничего хорошего.

— Ты страх потеряла, а? — Опираясь ладонями на парту, она медленно и так грозно наклоняется к моему лицу, что мне ничего не остается, кроме как в ответ подняться со стула.

У меня сильно сосет под ложечкой, когда наши взгляды оказываются на одном уровне. Только что мне теперь делать? Ждать поддержки от одноклассников? Но что-то они не спешат вставать между нами, все дружно глазают на нас. А может, мне просто молчать? Или...

— Нет такого слова «фотогигиенично», — бросаю я в лицо Петровой.

Три удивленных хлопка наращенных ресниц, и глаза Полины сужаются:

— Ты мне будешь указывать, как говорить?

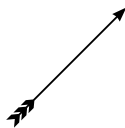
Я набираю полную грудь воздуха и озвучиваю:

— Правильно фотогенично. В переводе с греческого...

— Да мне глубоко фиолетово, с какого это языка, — педит Полина. — Я тебе сейчас на нормальном объясню. Ты меня тупой назвала.

— Я разве сказала, что ты тупая? — перебиваю Петрову, вопросительно приподнимая брови. — Ты сама себя так назвала сейчас.

И Петрова просто звереет, ноздри у нее раздуваются. Кажется, что еще секунда — и она кинется на меня. От этой мысли желудок окончательно сворачивается в холодный комок. Хочется и самой сжаться, но, как могу твердо, стою, выдерживая взгляд Петровой. А по аудитории уже расплзается тихое шушуканье.

Да и позади слышу, как напряженно бормочет Соня и дергает меня за край кофты:

— Ань, не надо. Сядь.

— Извиняйся, — вдруг громко объявляет Полина.

Теперь наступает моя очередь хлопнуть ресницами.

— За что?

— За то, что посмела открыть рот в мою сторону.

Проси прощения у меня. Быстро.

А у меня быстро лишь пересыхает во рту. Все, что я могу под испепеляющим взглядом Полины, — это держать каменное лицо, тогда как сердце барабанит в груди.

— Не буду, — слегка вскидываю подбородок, стараясь казаться уверенной.

Полине достаточно чуть дернуться в мою сторону, как я тут же вздрагиваю. Я не то что боюсь ее, просто... Петрова — дева неуравновешенная, а я и правда не понимаю, почему она ко мне привязалась. За тот смешок?

— Я не буду извиняться, — произношу чуть тверже.

А Полина вдруг резко хватает меня за ворот свитера и дергает к себе. Кислород из моих легких сразу же уходит.

— Слушай сюда, конченная! — рычит мне в лицо Петрова, сверкая бешеным взглядом.

— Та-ак! — По аудитории вместе с хлопком двери разносится громкий возглас преподавателя, а маникюрные пальцы Петровой ослабляют хватку.

Я сразу же отшатываюсь от этой ненормальной и одергиваю свитер, стараясь выровнять дыхание.

— В чем дело? Петрова, Просветова, — строго перечисляет наши фамилии препод, и в аудитории теперь идеальная тишина. — Почему не на местах? Все выучили и к коллоквиуму готовы?

— Выучили, Семен Иванович, — елеино причитает Петрова, уже нацепив такую же приторную улыбку. Правда, взгляд Полины все еще прожигает меня презрением. — Да, Анютка?

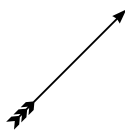
— Да, — не своим голосом подтверждаю я и наконец отвожу глаза от омерзительно улыбающегося лица Полины.

Плюхаюсь на место, ощущая жуткую тяжесть в ногах. А Соня тут же поднимает мои слетевшие со стола тетради, ручки и аккуратно придвигает их ко мне.

— Как раз в Ане я не сомневаюсь, — говорит преподаватель, — меня вот ты интересуешь, Полина. Дело движется к зачету, а у тебя баллов даже для допуска не хватает. Давай-ка иди к доске.

Полина недовольно фыркает и уже делает шаг от нашего стола, как вдруг резко наклоняется к моему уху.

— Я тебя урою. — Ее змеиное шипение заставляет меня вздрогнуть. — Ты пожалеешь, что учишься здесь.

ГЛАВА 3

— МАМ, ТЫ ДОМА? — зачем-то громко спрашиваю на весь коридор, как только переступаю порог квартиры.

Знаю, что никто мне не ответит, но, захлопнув дверь и повернув ключ в замке, я несколько секунд прислушиваюсь. Тишина. Скидываю сумку на пуф у двери, стаскиваю кеды и ветровку и расслабленно усаживаюсь на тот же пуфик.

В нашей скромной двушке в самой обычной панельной многоэтажке я одна. И я люблю эту тишину, которая наступает, когда мама уходит на дежурство. Она работает медсестрой в одной из городских больниц. Несколько секунд в полумраке коридора я сижу, подперев стену затылком. Потом сбрасываю маме короткое сообщение, что я дома, делаю глубокий вдох и резкий выдох. Мне действительно повезло, что пара, где Петрова как с цепи на меня сорвалась, была последней. Хватит на сегодня приключений.

Я думала, что Полина взглядом прожжет мой свитер, пока шла лекция. И чего я язык за зубами не держала? Ну скинула она вещи. Можно было и молча их поднять. Петрова от одного замечания в свой адрес не поумнеет, а мне было бы спокойнее. Надеюсь, до завтра она забьет себе мозг очередным трендом в соц-сетях и забудет про меня.

Устало поднимаю взгляд на зеркало на стене напротив пуфика. Морщусь от своего отражения. Хвост на голове уже распушился, щеки розовые-прерозовые. Терпеть не могу эту свою особенность. Стоит просто пройтись по улице быстрым шагом, как лицо становится цвета молочного поросенка. И еще эти веснушки! Как назло, закончился мой тональный крем, и мне нечем их замазать. Надо не забыть купить новый.

Корчу недовольную рожицу своему отражению и наконец поднимаюсь с пуфика. Хватит расслаживаться. Сегодня квартира в моем распоряжении, а значит, быть громкой музыке, еде в спальне и какому-нибудь сериалу.

И все идет по плану примерно до девяти вечера. Я даже разрешаю себе понежиться в ванне, до краев наполненной пеной. Успокаивающее шуршание схлопывающихся пузырьков гипнотизирует. Откинув голову на бортик, я готовлюсь окончательно уйти в релакс, но мой мобильный уже жужжит на полочке у раковины.

Недовольно фыркнув, отряхиваю ладонь от пены и тянусь за ним.

— Анька, почему не отвечаешь? — раздается недовольный возглас Сони. — Я уже пять сообщений тебе прислала.

— Прости. Вода в ванной шумела, и я...

— В ванной? Ты еще не готова? Я, вообще-то, такси вызвала.

— Сонь... — мягко начинаю я, поморщившись.

Но она категорично меня обрывает:

— И слушать не буду! Ты мне обещала, а я месяц тебя уговаривала!

— Просто планы поменялись.

— Какие? Твоя задница стала еще ленивее?

